

Наши люди *Веч. клуб - 1997. - Искит. -*

МЫЧТАТЬ *с. 12.*

СТАЛО легче,

МЫЧТАТЬ

СТАЛО веселей!

Я встречался с солистом МЕЧТАТЬ Олегом Горшковым несколько раз, но **обычного интервью** с ним так и **не получилось**. Прежде всего потому, что **он не умеет их давать**. Впрочем, может оно и к лучшему, потому что если интервью **не является «обычным»**, следовательно, оно **«необычно»**. Надеюсь, вы простите нам некоторые вольности.

В первый раз я увидел МЕЧТАТЬ в ночном клубе, где они играли для «среднего класса». Во второй раз мы перекинулись несколькими фразами.

— *Доброй ночи!*

— Ну, привет! Что скажешь хорошенечкого?

— *Вопросы здесь задаю я! В смысле, интервью беру!*

— Но у тебя же есть какие-то впечатления, потому и спрашиваю.

— *Вы на сей раз намного спокойнее... Стоите себе, играете. Тогда был какой-то роковый драйв, и ты чуть не посылал ребяток, требующих популярного до изнеможения «Летчика». Помнишь, выдавал острые штучки, вроде: «Здесь очень много красивых девушек... даже в первом ряду». А теперь вы совсем нормальные. Я думаю, у тебя появилась женщина.*

— Ты имеешь в виду первое в жизни?

— *Второе, по-видимому. Может, ты потому таким стал, что сейчас — год Красного быка?*

— Да, мычтать стало легче!

В последний раз интервью, наконец, приняло чуть более традиционные формы, хотя опять же, не совсем.

— Слушай, а зачем ты в Москву приехал?

— *Мы опять начинаем с того, что кто-то не тот задает вопросы. Это я хотел спросить, зачем ты сюда приехал?*

— Понимаешь, я с самого раннего детства хотел стать музыкантом. И вот я им стал.

— *И в Москве...*

— Москва... Дело в том, что я хотел стать не просто музыкантом, а известным музыкантом. У меня есть стереотип, что известным музыкант может быть только в Москве.

— *Этот город не сломал тебя?*

— Конечно, у меня были какие-то свои представления о музыке и о тусовке. Все оказалось абсолютно не таким. То есть, совершенно, полностью иным. За это время появился ряд вещей, на которые я уже не обращаю внимания.

— *Я недавно читал в какой-то газете интервью с Отаром Кушанашвили. Он рассказывал, что когда вы ездили с «Партийной зоной», тебя пытались заставить петь под фанеру. Ты распахивался, стал водку заказывать... В конце концов тебе аппаратуру выставили. Я прочитал и подумал: «Да, это точно про него.»*

— В газетах все как через увеличительное стекло. Просто существуют два условия для нашего выступления. Это живой звук и кормежка. Оба вида программы — сорокаминутный для клуба и восьмидесятиминутный для сольного концерта — мы делаем только вживую. Для нас это так же естественно, как хотеть кушать время от времени или, скажем, спать на кровати, а не на полу. Кстати, там случилась такая фенька: приехали, настроились, жрать хочется, и начинаются запары. Бегаем по незнакомому городу, ищем пропитание. Едим потом какие-то заплесневелые пирожки!

— *По-моему, дело в другом — в честности. По его словам, ты напился и стал кричать, что ты не хочешь, «чтобы люди считали тебя пидором».*

— Есть группы, которые устраивают шоу на сцене. Там на самом деле нет никакой разницы: полная фанера ли, минусовка ли. Они все равно никого не обманывают: пляшут, не знаю еще что делают. Мы так не сможем. Это будет выглядеть глупо:

и руками своими что-сами не понимают, по-го не получаю никакого боты нужно получать честностью или прин-ла даю.

вышли чудачки, достали «дрото там делают, причем чему и зачем. Я от этого удовольствия. А от райфа. Какой-то особой ципиальностью я не об-Просто существуют условия, которые целесообразно предъявлять организаторам. Это не протест! Мы

не броса-саемся утверждениями типа «да вы все фанерщики, а мы, вот, честные пацаны!» Нам так удобнее — не больше того!

Игорь
МООР-ПЕРЕВЕРЗЕВ